

С тех пор как Цзян Цютун спонтанно устроил ночные посиделки у камина с Юй Сьюанем, тот не сводил с брата двусмысленных взглядов. Читалось в них примерно следующее: «Ну ты даешь, братец! С ходу отхватил такого сочного юнца. Мое почтение, десять из десяти!»

Цютун впервые в жизни не находил слов. Вообще-то, это не он совратил малолетку — «цыпленочек» сам прибежал, улегся на тарелочку и всеми силами умолял проглотить себя...

Но делиться этим с Сьюанем явно не стоило. Тот наверняка привязался бы с резонным вопросом:

— Если он сам на тебя прыгнул, с чего ты взял, что он тебя не любит?

Не признаваться же прямо, что этот мелкий паршивец просто польстился на роскошное тело и привлекательное личико своего профессора, решив поразвлечься от скуки.

Да, именно так он сформулировал проблему в ту ночь: «Мне нравится мой студент, он младше меня более чем на десять лет. Мы уже переспали, но он ко мне ничего не чувствует. Что делать?»

Стоило Цютуну раскрыть ложь Цзи Яо о его мнимой «натуральности», как тот пустился во все тяжкие. Он вел себя настолько вызывающе и порочно, что даже не пытался изобразить хоть каплю ответной симпатии. Вечно взвинченный, готовый свернуть горы и поиметь весь мир, он доводил Цзян Цютуна до белого каления. Но парадокс заключался в том, что именно этот безумный драйв заставил холодное, почти безжизненное сердце профессора наконец-то забиться.

Цзи Яо был эгоистичным, ветреным, вечно устраивал сцены на ровном месте, а его бесстыдству позавидовала бы бетонная стена. И все же Цютун обожал эту бьющую через край жизненную силу. Обожал настолько, что при одном взгляде на мальчишку губы сами расплывались в улыбке.

Сердце Цзян Цютуна походило на кокос.

Снаружи — толстая, непробиваемая скорлупа, а внутри — сладкая, теплая мякоть. Цзи Яо умудрился сработать как тонкое сверло: день за днем он упорно бурил эту броню, пока наконец не проделал крошечное отверстие.

Дырочка была совсем крошечной, сам виновник о ней даже не догадывался. И все же она существовала. Стоило Цзи Яо лишь на мгновение опустить голову и присмотреться, как он понял бы: ему давно дозволено пить этот сладкий нектар.

Вся наука, которую Юй Сьюань пытался вбить в его профессорскую голову, сводилась к одному: Цютун должен сам расколоть скорлупу, завлечь Цзи Яо и заставить того распробовать

скрытое внутри лакомство.

— Твои метафоры звучат непристойно, — хмурился Цютун, невольно уносясь мыслями в весьма пикантное русло.

Юй Сьюань лишь ухмыльнулся, сверкнув зубами в темноте спальни:

— Мой дорогой братец-нарцисс, это не метафоры грязные, это у тебя мысли испорченные.

Цзян Цютун промолчал.

Вместо ответа он просто ткнул брата кулаком под дых. Сьюань со стоном скрючился на кровати, шипя, что за такую неблагодарность его покарает небо, а если он сейчас помрет, то кто вообще будет наставлять этого сухаря в любовных делах?

Цютун помрачнел:

— Заткнись уже, ради всего святого!

И почему ему самому досталась капризная, ветреная бестия, с которой каждая постельная сцена превращается в полномасштабное сражение, в то время как у Сьюаня партнер — послушное, разумное создание, ведущее себя в постели искренне и без лишней ломаной драмы? Это просто несправедливо.

Признавать, что корень проблемы может крыться в нем самом, профессор, разумеется, категорически отказывался.

Так или иначе, к началу семестра Цютун вернулся в университет во всеоружии, набитый практическими советами кузена под завязку. Он твердо вознамерился окружить Цзи Яо такой «любовью», чтобы тот взвыл.

... Впрочем, зная манеру мальчишки наглеть при малейшей уступке, профессор всерьез опасался: не поднимет ли тот его на смех и не сядет ли окончательно на шею?

В первый день занятий у Цютуна не было лекций. Тем не менее он никуда не ушел и весь день просидел в кабинете, напряженно размышляя, как приручить этого маленького мерзавца, и попутно ожидая его визита.

Время шло. Наступил полдень, затем день начал клониться к вечеру, но Цзи Яо так и не появился. Телефон лежал на краю стола — экран в WeChat оставался девственно чист.

Профессор молча снял очки.

Достав шелковую тряпочку, он принялся методично протирать стекла. Монотонные, доведенные до автоматизма движения всегда помогали ему упорядочить мысли и вернуть самообладание.

Стекла уже сверкали идеальной чистотой, но глухое раздражение в груди никак не унималось. Чтобы занять руки, Цютун окинул взглядом кабинет и принялся за генеральную уборку.

Лишь после того как все книги на полках выстроились в строгом алфавитном порядке и по размеру, а студенческие работы были рассортированы по курсам, группам и дисциплинам, на его измученную перфекционизмом душу снизошел долгожданный покой.

И в этот самый миг дверь с грохотом распахнулась.

— Та-да-да-дам! Сюрприз! Брат Цзян, соскучился?

Цзи Яо, вырядившийся в немыслимо яркие шмотки, влетел в кабинет, замер на пороге в пафосной позе суперзвезды, а затем подскочил к столу, обвил руками шею профессора и звонко чмокнул его в щеку.

Заметив краем глаза, что замок на двери защелкнулся, Цютун мгновенно перехватил инициативу. Он зажал затылок собиравшегося отстраниться парня ладонью и властно, почти грубо вовлек его в глубокий, требовательный поцелуй.

— М-м... — вырвалось у Цзи Яо.

В тишине кабинета отчетливо зазвучали влажные, дразнящие шлепки искусанных губ. Когда Цютун наконец отпустил мальчишку, оба тяжело дышали. Цзи Яо раздраженно вытер рот тыльной стороной ладони и возмущенно уставился на мужчину:

— Да вы совсем оголодали, профессор!

Цютун не стал оправдываться. Он лишь скрестил руки на груди и одарил его ледяным взглядом:

— Я больше месяца сидел на сухом пайке. Посмотрел бы я, как ты в таких условиях изображал бы из себя целомудренного монаха.

Цзи Яо дурашливо скорчил рожицу. Он и сам понимал, что малость перегнул палку, полностью игнорируя любовника все зимние каникулы. Сменив гнев на милость, он подлизался поближе и снова ласково ткнулся губами в его щеку:

— Ну ладно тебе, не дуйся.

С этими словами он с гордым видом придвинул к себе коробку, которую бережно тащил всю дорогу, и торжественно сорвал крышку:

— Гляди! Это искупительная жертва.

Внутри лежал изящный бенто-торт, украшенный взбитыми сливками — безумно аппетитный на вид. Цютун долго разглядывал кондитерское чудо, после чего с искренним недоумением спросил:

— Мне правда любопытно: с чего ты взял, что я люблю сладкое?

— Но ведь послезавтра у тебя день рождения, разве нет? — прервал его Цзи Яо.

Подперев подбородок ладонями, парень невинно захлопал ресницами:

— В тот день у меня пары с утра до вечера, твоего расписания я не знаю, обеденный перерыв слишком короткий, да и вообще мы с Чжан Хэ планировали засесть за рейды. А вдруг я вообще замочусь и забуду?

В этом и заключался весь Цзи Яо: он умел быть потрясающе, обезоруживающе эгоистичным. Вывалив эту порцию безжалостной правды с самым невозмутимым видом, он как ни в чем не бывало ткнул пальцем в торт и зашебетал:

— Без ложной скромности скажу: он безумно вкусный! Я его собственными руками...

—...испек? — приподнял бровь Цютун, глядя на него сквозь полуопущенные ресницы.

— Собственными руками... купил, — поперхнулся парень, вовремя прикусив язык.

Да уж, неловко вышло.

На самом деле он едва не ляпнул дежурную ложь. Эту кондитерскую держала пара на дому: торты пекли вручную, без биров, логотипов и в самой простой картонной упаковке, что придавало им очаровательный домашний вид. Стоило Цзи Яо наткнуться на эту лавочку, как у всех его иногородних пассий появилась традиция получать на праздники «шедевры собственного приготовления». Сам Цзи Яо готовить умел, но возиться у плиты чертовски ленился, так что этот нехитрый трюк существенно экономил ему время. Какая разница, верно?

Профессор окинул его нечитаемым взглядом и тихо, подозрительно мягко хмыкнул.

Точно всё понял, зараза.

Цзи Яо мысленно отмахнулся. Терять ему было нечего. Бесцеремонно притянув к себе руки Цютуна и заставив его обнять себя за талию, он устроился прямо на коленях мужчины. Подцепив пластиковой вилочкой кусочек бисквита, парень отправил его в рот и сладко зажмурился:

— Какая разница, кто пёк? Главное ведь — вкусно!

Его наглость была настолько естественной и плавной, что любого другого это повергло бы в ступор. Но Цютун даже не шелохнулся. Он лишь молча наблюдал за парнем, привычно запуская в голове процесс психологического самоанализа.

Разом в мозгу всплыли стройные абзацы текста, пестревшие холодными научными формулировками — чистый медицинский диагноз. Вот только финальный вердикт оказался до неприличия иррациональным и сентиментальным:

«Кажется, я влюбляюсь в него всё сильнее».

Если говорить откровенно, планка его эмоциональной чувствительности всегда была слишком высока. Не считая врожденной склонности к тотальному контролю, богатое прошлое Цзи Яо его не задевало. Ему было плевать, как именно тот вешал лапшу на уши бывшим любовникам и какими дешевыми фокусами пытался теперь приручить его самого.

Напротив, Цютуну безумно нравилось смотреть, как этот наглец, будучи пойманным за руку, даже не думает раскаиваться, сохраняя свое фирменное шкодливое выражение лица. Это давало профессору отличный повод подыграть и устроить парню хорошую взбучку — исключительно в терапевтических целях, конечно.

И все же эта непрошибаемая броня порой утомляла. Любя эту черту в Цзи Яо, Цютун до дрожи хотел хоть раз припереть его к стене по-настоящему. Заставить его покраснеть от неловкости, смутиться или, признав вину, тихо и жалобно просить о пощаде.

Увы, подобного зрелища профессор пока не удостоился.

«Что ж, борьба с достойным соперником — это ни с чем не сравнимое удовольствие. Правы были древние философы».

Цзи Яо тем временем самозабвенно уплетал десерт, устроившись в объятиях мужчины поудобнее.

Выждав, пока парень окончательно расслабится, Цютун негромко произнес над самым его ухом:

— Ты планируешь прикончить его в одиночку? Вообще-то, это мой подарок.

Увлечшись сладким, Цзи Яо совсем позабыл, на чьих коленях сидит. От неожиданного низкого голоса он вздрогнул, рука вильнула, и измазанная в креме вилка скользнула по уголку его губ, оставив белый след.

Профессор тут же подался вперед. Словно лакомящийся сливками кот, он кончиком языка аккуратно и неторопливо слизал сладкую массу с нежной кожи у рта и подбородка.

Медленно проглотив крем, Цютун мягко улыбнулся:

— Действительно вкусно.

— А я думал, тебе не понравится и ты вообще откажешься, — притворно надулся Цзи Яо.

Надо же, еще и его виноватым выставил.

Цютун спорить не стал. Он лишь приоткрыл рот, безмолвно требуя продолжения. Цзи Яо, будучи искушенным соблазнителем, намек понял мгновенно. Не раздумывая, он слизнул порцию нежного крема с торта, после чего прильнул к губам профессора, делясь сладостью.

Этот поцелуй вышел совсем другим — неторопливым, тягучим и приторным, со вкусом ванили и сливок.

Разомкнув губы, Цзи Яо вдруг прыснул и зашелся беззвучным смехом. На немой вопрос Цютуна он, едва переводя дыхание, выдавил:

— Чувствую себя содержанкой, которую балует богатый папик.

... Папик. Надо же.

Профессор лишь усмехнулся. Одним плавным движением он опрокинул парня спиной на полированную столешницу, нависая сверху, и вкрадчиво поинтересовался:

— Раз уж я твой «папик», не кажется ли тебе, что содержанке пора отработать свои подарки?

Цзи Яо покатился со смеху, задрал ноги и утирая выступившие слезы:

— Да пошел ты!.. Какой из тебя папик? Я от тебя даже захудалого красного конверта на Новый год не дождался!

Цютун склонил голову набок, и его губы тронула странная, едва заметная улыбка.

— Чего лыбишься? — подозрительно прищурился Цзи Яо.

Профессор замер. Растерянный вид этого несносного мальчишки показался ему до безумия трогательным. Не удержавшись, он протянул руку и ласково щелкнул парня по кончику носа.

— Я... — начал он, но осекся.

Отвернувшись, он сделал глубокий вдох, возвращая привычную маску хладнокровия, и лишь затем ровно произнес:

— Хорошо. Чуть позже переведу тебе кругленькую сумму.

Конечно, этот тридцатилетний мужчина безбожно врал.

Слова, которые рвались наружу, застряли в горле — гордость и академическая строгость не позволили ему озвучить их вслух.

Он хотел сказать: «Я и сам весь принадлежу тебе, дуралей. Зачем тебе какие-то конверты?»

Цзи Яо ничего не заметил. Необычайно мягкий тон профессора привел его в полный восторг. Обхватив мужчину за шею, он лениво притянул его к себе для очередного поцелуя:

— Ладно, уговорил. Буду ублажать своего спонсора.

Он податливо развел колени и обвил ими бедра Цютуна.

Но Цютун не стал спешить. Закрыв глаза, он крепче прижал парня за талию к себе и невесомо коснулся губами его подрагивающих ресниц.

Он терпеть не мог дни рождения. Не выносил сладкое. Но когда Цзи Яо открыл эту коробку со своим нелепым, купленным наспех подарком, профессору показалось, что лед вокруг его сердца окончательно растаял.

Цзи Яо ошеломленно замер. Он во все глаза смотрел на склонившегося над ним мужчину, силясь понять, что происходит.

Должно быть, он окончательно рехнулся, раз в бережных прикосновениях этого холодного, неприступного человека ему вдруг почудилось нечто до странности похожее на... трепетную нежность.

Альтернативная вселенная (зарисовка)

Еще до того, как Императрица Юй и Добродетельная наложница Цзян вошли во дворец, а Его Величество был благополучно разоблачен, мужчины изредка собирались за закрытыми дверями и вели сугубо мужские беседы. Разумеется, о делах постельных.

Господин Цзян цедил сквозь зубы:

— Мой партнер на редкость строптив. Обычно мне приходится связывать его или брать силой, доводя до полного изнеможения, чтобы хоть как-то приструнить его нрав и получить удовольствие.

Господин Юй посмотрел на него так, словно перед ним сидел кровожадный монстр.

Господин Цзян искренне удивился:

— А у тебя разве иначе? Я слышал, что мужчины по природе своей упрямы. Без жестких мер послушания от них не добиться.

Взгляд Юй Сыюаня стал еще более красноречивым.

После долгого молчания брат осторожно поинтересовался:

— Братец, скажи мне честно... ты его часом не выкрал?

Господин Цзян лишился дара речи. До него постепенно доходило, что в его рассуждениях где-то крылась фатальная ошибка.

— При нормальном обоюдном согласии, — продолжил Юй Сыюань, — партнеры обычно руководствуются правилом «лови момент». Мы ведь просто предаемся плотским утехам, пока молоды. Если, конечно, у вас нет каких-то... специфических наклонностей, к чему весь этот садомазохизм?

Сыюань тщательно подбирал выражения, стараясь пощадить хрупкое эго кузена.

— И как же развлекаешься ты? — насупил раздосадованный вельможа.

Господин Юй замялся. Он открыл было рот, но вовремя передумал и лишь покачал головой. На его лице промелькнула мечтательная, сытая ухмылка, сменившаяся глубоким сочувствием к

несчастному родственнику.

Господин Цзян процедил сквозь зубы очередное тяжелое молчание.

— Пожалуй, не буду травмировать твою психику, — великодушно резюмировал Юй Сьюань.

Лицо господина Цзяна окончательно потемнело.

<http://bllate.org/book/20554/2215111>